

разновидностей второй редакции Хроники подверглась влиянию других русских хронографических сводов, в частности Еллинского летописи второй редакции.

Гл. V посвящена исследованию древнерусских памятников, называемых в рукописях «Летописец еллинский и римский». Первый исследователь этих произведений — А. Н. Попов указал в своей монографии шесть списков «Летописца еллинского и римского». О. В. Творогов известно тринадцать списков этого памятника, не считая фрагментов, находящихся в составе различных хронографических компиляций.

Одной из важнейших проблем изучения Еллинского летописца первой и второй редакции является вопрос о взаимоотношении обеих редакций и их отношении к архетипному тексту памятника. А. Н. Попов и В. М. Истрин полагали, что ЕЛ-2 восходит к ЕЛ-1.

Текстологическое исследование всех известных списков Еллинского летописца привело О. В. Творогова к другим выводам: ЕЛ-1 и ЕЛ-2 восходят к общему источнику, хронографическому своду — архетипу, в котором находилась вводная часть, представляющая собой компиляцию Хроники Амартола и Хроники Малалы. И если списки так называемой первой редакции сохранили в значительной мере архетипный текст Еллинского летописца, то вторая редакция самым существенным образом переработала его, дополнив новым источниками и придав ему ту форму деления текста на статьи, которая будет использована затем в Русском хронографе.

Последний компонент ЕЛ-2 составляют статьи, относящиеся к русской истории. О. В. Творогов высказывает предположение, что источником их была общерусская летопись, близкая по типу своду 1448 г. Верхней границей датировки ЕЛ-2 является 1453 г. — дата написания старейшего из датированных списков (БАН, Арх. № 7) — второй редакции Хроники Амартола, испытавшей влияние Еллинского летописца второй редакции.

Комплексное исследование трех редакций Русского хронографа (редакции ЕЛ-1, Западнорусской редакции и Пространного хронографа — архетипа редакций 1599 и 1601 гг.) составляет содержание VI, VII и VIII глав книги О. В. Творогова.

Если Б. М. Кlossу, доказавшему, что источником Русского хронографа является сокращенный свод конца XV в., удалось решительно поколебать традиционную точку зрения (А. А. Шахматова), согласно которой Русский хронограф был создан Пахомием Логофетом в середине XV в., то О. В. Творогов убедительно показывает, что не существовало гипотетической редакции, к которой будто бы восходили и редакция 1512 г., и Западнорусский хронограф; он показывает ошибочность расчета лет, приведенного А. А. Шахматова к установлению даты 1442 г. как даты создания первой редак-

ции хронографа, и предлагает — текстологически неопроверженно — иную схему взаимоотношения редакций: и Западнорусский хронограф, и Пространный восходят не к неизвестной нам древнейшей редакции хронографа, а к Сокращенному и Погодинскому видам Хронографа 1512 г. Это один из важнейших выводов книги, позволяющий по-новому взглянуть на историю русской хронографии.

Анализ использования источников по всемирной истории позволяет О. В. Творогову образно охарактеризовать работу составителя русского Хронографа 1512 г. Он пишет: «Задачей составителя Хронографа было создание исторической энциклопедии, при этом выходящей за узкие рамки историографической концепции «Израиль — Рим — Византия» или ее модернизированной формы, уже чисто христианской «триады» — «Рим — Византия — Русь». Хронист стремился всемерно расширить исторический кругозор своего труда, одновременно, по необходимости, сжимая его в объеме»⁴. Хронограф «по своим задачам и замыслу составителя был прежде всего серьезным историографическим трудом»⁵.

Но в каких кругах возник русский Хронограф 1512 г.? Кто мог быть его автором? О. В. Творогов не ставит эти вопросы, оставляя их для дальнейшего исследования. Но вместе с тем он приводит гипотезу А. А. Седельникова, связывавшего работу над Хронографом 1512 г. с именем носифлянина Досифея Топоркова. По-видимому, целесообразно подумывать и о возможной принадлежности к работе над этим Хронографом монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея, сформулировавшего в своих посланиях политическую теорию «Москва — третий Рим». О. В. Творогов полагает, что задача составителя Хронографа 1512 г. выходит за рамки христианской «триады» «Рим — Византия — Русь». И действительно, полемическое и историографическое значение Хронографа шире этой «триады». Но вместе с тем эта идея (скорее политическая, чем религиозная), безусловно, присутствует в Русском хронографе 1512 г., что особенно явственно можно видеть в заключительной части повествования после рассказа о падении Константинополя в 1453 г. под ударами турок: «...мнози грѣхъ ради наших божиим поущением безбожнии турки поплѣниша и в запустѣнне положиша и покориша под свою власть. Наша же Российская земля божиею милостию и молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцовъ растѣтъ и владѣтъ и возвышается и распростирается»⁶. Вспомним, что писал в

⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы, с. 41.

⁵ Там же, с. 42.

⁶ Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. — Полн. собр. рус. летописей, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 439—440.